

Академия. Гаремный квест

Данна Леднива

Данна Леднива

Академия. Гаремный квест

<https://litres.ru/74247374>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где магия — это право на жизнь, Элиан — Пустышка. Девушка без искры дара, обречённая на роль служанки в академии магии «Эрданос». Она привыкла к грязной посуде, презрению студентов и прозвищу «пепельное отродье». Но однажды, спасая жизнь наследнику огненного рода Ашеру Вервиллу, она пробуждает в себе древнюю и запретную силу — способность поглощать магию.

Теперь она не Пустышка. Она — Пожирательница. Или Хранительница. Её судьба переплетена с судьбами пяти сильнейших магов академии, представляющих пять стихий: Огня, Воды, Земли, Воздуха и Тьмы. Чтобы выжить, Элиан должна принять свою силу и связать себя с ними узами, которые крепче крови.

Но когда на королевство надвигается древняя Тьма, а Совет Магов жаждет её смерти, Элиан понимает: она — не просто ключ к спасению мира. Она — его последняя надежда. Или его величайшая угроза.

Содержание

Глава 1. Пепел приюта	4
Глава 2.	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Академия. Гаремный квест

Глава 1. Пепел приюта

Вода в медном корыте давно остыла, покрывшись радужной пленкой от волшебных и обычных жиров, но Элиан продолжала тереть тяжелую чугунную сковороду. Её пальцы, огрубевшие и покрытые мелкими трещинами, почти не чувствовали холода. Кожа на руках давно потеряла нежность — теперь она была шершавой, как наждачная бумага, с вечными красными пятнами вокруг ногтей и мелкими шрамами от осколков разбитой посуды.

Над головой, сквозь толщу каменных сводов, доносился приглушенный гул. Это на верхних ярусах академии «Эрданос» праздновали окончание семестра. Там звенели бокалы, вспыхивали фейерверки из зачарованных искр, а студенты в шелковых мантиях своих факультетов обсуждали, кто из них первым получит ранг Адепта. Музыка — нежная, переливающаяся, словно сотканная из лунного света — просачивалась сквозь камни, но здесь, в подвале, она звучала глухо и искаженно, как эхо из другого мира.

А здесь, в сырой подвальной кухне, пахло только прогорклым маслом, сырой плесенью и кислым дыханием каменных стен, которые помнили ещё первые века существования академии.

Элиан вытерла лоб тыльной стороной ладони, оставляя на коже грязный след. Ей было восемнадцать, но в тусклом свете магического кристалла, висящего под потолком, она казалась старше. Серая, грубо сшитая роба служанки висела на ней мешком, скрывая фигуру и делая её похожей на тень. Ткань была дешевой, грубой, с заплатами на локтях и коленях — такие носили только те, кому не полагалось ничего лучшего. Волосы, когда-то, наверное, светлые, теперь были собраны в тугой узел под грязным платком, из-под которого выбивались лишь несколько прядей, прилипших к вискам от пота и пара.

— Эй, Пустышка! — окликнул её повар, даже не поворачивая головы. Он был толстым, краснорожим мужчиной с густыми усами, которые топорщились, когда он жевал. — Котлы из третьего зала отскреби. И чтобы ни одной царапины, а то ректор снова будет читать нотации, что мы портим инвентарь.

— Да, мастер, — тихо отозвалась Элиан, опуская глаза.

Пустышка. Это слово было вторым именем для неё. В мире, где каждый ребенок к пяти годам мог зажечь свечу взглядом или заставить камень парить в воздухе, Элиан не могла сделать ничего. Магический кристалл в приюте не светился для неё ни разу. Она была абсолютным нулем. Пустым сосудом.

Другие дети в приюте рано начинали проявлять свои дары. Маленькая Мира в три года случайно подожгла занавес-

ки, когда плакала. Мальчишка Том в пять лет заставил яблоко летать по комнате, просто потому что не хотел вставать с кровати. А Элиан... Элиан могла только смотреть, как другие дети играют с магией, словно это самое естественное дело в мире. Она протягивала руку к свече, шептала слова заклинаний, которые слышала от старших, но ничего не происходило. Ни искры. Ни дуновения ветра. Ни малейшего движения воздуха.

Она была пустой. И это слово — *Пустышка* — стало её тенью, которая следовала за ней везде.

Единственная причина, по которой она до сих пор дышала воздухом академии, а не гнила в городской богадельне — сентиментальность старого ректора Лорда Эйнара. Пять лет назад, когда приют закрывали из-за нехватки средств, а всех детей распределяли по семьям или отдавали в ученики к мастерам, Элиан осталась ни с чем. Кто возьмет к себе девочку без магии? Кто будет кормить рот, который не может принести никакой пользы?

Лорд Эйнар, проезжавший через город по делам Совета Магов, увидел её. Она сидела на ступенях закрытого приюта, прижимая к груди единственную куклу — тряпичную, с оторванной рукой. Ректор остановился, посмотрел на неё долгим взглядом своих выцветших голубых глаз и сказал: "По-едем со мной, дитя. В академии всегда найдется работа для тех, кто готов трудиться".

Жалость. Вот единственное, что Элиан получала от этого

мира. И она была благодарна за это. Каждое утро она высыпалась в своей крошечной каморке под лестницей, благодарила богов за крышу над головой и шла на кухню, где её ждали горы грязной посуды.

Дождавшись, когда повар уйдет в кладовую за вином, Элиан быстро сполоснула руки и юркнула в узкую нишу за печами — свою личную «комнату», где хранился хлам, который никто не удосужился сжечь. Здесь стояли старые ведра, треснувшие горшки, сломанные метлы и куча тряпок, пахнущих плесенью и мылом. Но для Элиан это было убежище. Место, где она могла быть собой — хотя бы на несколько минут.

Она сгребла в охапку грязные тряпки и, убедившись, что её не видно, достала из-за пазухи свою главную тайну.

Это были обрывки пергамента. Старшекурсники первого курса часто выбрасывали испорченные записи с теорией магии, черновики заклинаний и конспекты. Для них это был мусор. Для Элиан — сокровище.

Она разгладила пожелтевший лист, на котором были нацарапаны формулы базового щита. Элиан не могла творить магию, но она могла *учить* её. Она проводила грязным пальцем по строчкам, шепча слова, которые знала наизусть.

«*Сплести эфир в нить, натянуть как тетиву...*» — бормотала она, закрывая глаза. В её воображении она не грязная посудомойка, а студентка боевого факультета. Она стоит на арене, вокруг неё реют трибуны, а в её руках пульсирует

чистая, ослепительная сила. Она видит, как другие студенты смотрят на неё с восхищением, как мастера кивают в одобрении, как она поднимает руку, и мощный щит накрывает её с головой, сияя всеми цветами радуги.

Она знала, что это глупо. Пустышки не становятся магами. Это как мечтать о том, что у тебя вырастут крылья. Но мечты были единственным, что принадлежало только ей. Никто не мог отнять их, никто не мог высмеять то, что происходило в её голове.

Элиан достала еще один свиток — это был обрывок лекции по истории магических войн. Она читала его так часто, что буквы начали стираться. Здесь рассказывалось о Великой Битве у Красных Скал, где триста магов Огня сражались против армии Тьмы. Элиан представляла, как пламя взмывает в небо, как земля дрожит под ногами, как герои сражаются за право жить свободно.

«Если бы я была там,»— думала она, прижимая пергамент к груди. *«Если бы у меня была сила... Я бы не позволила никому называть себя Пустышкой. Я бы доказала, что стою чего-то».*

Внезапно потолок над её головой сотрясся.

Раздался глухой удар, похожий на раскат грома, но с металлическим звоном. Посыпалась известковая пыль. Элиан вздрогнула, прижимая к груди драгоценный пергамент. Наверху, во внутреннем дворе, явно началась драка. Старшекурсники часто выясняли отношения, и их магические вы-

бросы иногда пробивали защитные чары здания.

Она слышала крики, свист рассекаемого воздуха, глухие удары тел о камень. Кто-то проклинал, кто-то смеялся — это была обычная сцена для академии, где гордость и амбиции часто выливались в кулачные бои.

Элиан хотела было спрятаться глубже в нишу, когда вдруг увидела, как в каменном своде, прямо над головой, появилась микроскопическая трещина. Сквозь неё, словно капля расплавленного золота, просочилась огненная искра.

Это был осколок чьей-то яростной огненной магии. Искра была размером с монету, но жара от неё исходило такой, что воздух вокруг задрожал. Она упала прямо на груды сухих свитков в углу ниши — на её единственную библиотеку, на её мечты, на всё, что у неё было.

— Нет! — выдохнула Элиан.

Она не думала. Не раздумывала о последствиях. Просто метнулась вперед, инстинктивно, голой рукой, хлопнула по горящему пергаменту, чтобы сбить пламя.

Но огня не было.

В ту секунду, когда её пальцы коснулись раскаленной искры, Элиан почувствовала странное, почти пугающее ощущение. Не ожог. А... *пустоту*. Будто внутри её пальца открылась маленькая черная дыра, которая с жадностью вдохнула жар.

Искра не обожгла её кожу. Она вдруг побледнела, скрутилась в тонкую спираль и... рассыпалась. Прямо у неё на ла-

дони остался только крошечный комочек холодного, серого пепла.

Элиан замерла, тяжело дыша. Сердце колотилось где-то в горле, кровь стучала в висках. Она медленно разжала кулак. На её ладони не было ни красноты, ни волдырей. Только серый прах, который тут же развеялся от её дыхания.

Она смотрела на свою руку, не понимая, что произошло. Этого не могло быть. Пустышки не тушили магию. Пустышки не могли даже коснуться магического огня без того, чтобы их кожа не покрылась волдырями. Это был закон. Неписанный, но абсолютный.

«Я просто испугалась,» — лихорадочно подумала она, пытаясь унять бешено колотящееся сердце. *«Искра была слабой. Она просто погасла, коснувшись холодного камня. Да, просто погасла. Ничего не произошло. Ничего».*

Она не хотела верить в то, что увидела. Если она сейчас выйдет наверх и расскажет, что прикоснулась к огню и не сгорела, её отправят в карцер, а потом — в лабораторию инквизиторов, чтобы проверить, не демон ли вселился в тело сироты. А если демон — то на костер. Она слышала истории. Слышала, как шептались служанки о девушке из северных земель, которая тоже "тушила огонь руками". Её нашли мертвой в камере на следующее утро. Официально — "самоубийство от стыда". Но все знали правду.

Элиан дрожащими руками собрала уцелевшие свитки. Некоторые края были обуглены, но большинство уцелело.

Она спрятала их обратно за пазуху, ближе к сердцу, и прижала ладонью, словно боялась, что они убегут.

Она не заметила, что там, где упала искра, на каменном полу остался не просто след гари, а идеальное, выжженное до белесого камня кольцо. И что серый пепел на её ладони на долю секунды пульсировал слабым, серебристым светом, прежде чем исчезнуть.

Она не заметила, что воздух в нише стал холоднее, хотя только что здесь была раскаленная магическая искра.

Она не заметила, что где-то глубоко внутри, в самой основе её души, что-то только что проснулось. И это «что-то» было голодно.

Элиан глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться. Ей нужно было вернуться к работе. Мастер вернется через минуту, и если увидит, что она прячется, будет ругаться. Она вытерла руки о фартук, поправила платок и вышла из ниши, стараясь не смотреть на обугленные свитки.

Но всю оставшуюся ночь, пока она скребла котлы и мыла сковороды, её ладонь горела. Не от жара — а от чего-то другого. От ощущения, что она только что прикоснулась к чему-то запретному. К чему-то, что изменит всё.

Она не знала, что это было. Не хотела знать. Но где-то в глубине души, под слоями страха и отрицания, крошечная искра надежды разгоралась ярче.

Может быть, она не совсем Пустышка.

Может быть, она — что-то другое.

И это "что-то другое" пугало её больше всего на свете.

Утро следующего дня началось так же, как и все остальные — с ведра холодной воды и горы грязной посуды. Но сегодня в воздухе чувствовалось что-то особенное. Даже сквозь толстые стены подвала доносилось оживленное гудение голосов, звон металла и шелест тканей.

Сегодня был день посвящения.

Элиан слышала, как служанки на верхних этажах обсуждали это ещё вчера вечером, когда собирали грязное белье. Они говорили о мантиях, о церемонии, о том, кто из новичков покажет наибольшую силу. Они говорили о старостах факультетов — элите академии, тех, кто уже доказал своё превосходство.

Элиан знала имена всех старост. Она читала о них в старых свитках, которые тайком приносила с верхних этажей. Она знала их достижения, их силу, их происхождение. Она знала, что Ашер Вервилл — староста боевого факультета — считается сильнейшим магом Огня за последние сто лет. Что Дориан Вальмонт — староста факультета Воды — происходит из древнего рода военных. Что Бьорн Каменное Сердце — староста факультета Земли — может одним ударом кулака расколоть гранитную плиту.

Но знать о них и видеть их — это было совсем другое.

— Сегодня день посвящения, — буркнул повар, швыряя на стол очередную гору тарелок. — Так что работай быстрее,

Пустьшка. После церемонии будет банкет, и если я увижу хоть одну грязную тарелку, ты будешь мыть их до следующего полнолуния.

Элиан кивнула, опуская руки в ледяную воду. День посвящения. Сегодня те, кому повезло родиться с магией, официально станут студентами академии «Эрданос». Они пройдут через Главные Ворота, получают мантии своих факультетов и поклянутся служить Совету Магов.

Студентами. Элиан сжала челюсти так сильно, что заболели скулы. Она знала, что никогда не станет одной из них. Но посмотреть... хотя бы раз в жизни посмотреть на эту церемонию издалека, спрятанной в тени, чтобы никто не увидел...

Может быть, это было глупо. Может быть, опасно. Но желание было сильнее страха.

Она представила, как выглядит амфитеатр в этот день. Как белые колонны украшены гирляндами из живых цветов, которые никогда не вянут. Как в воздухе парят магические фонари, переливающиеся всеми цветами радуги. Как на трибунах сидят тысячи студентов в мантиях своих факультетов — красных, синих, зеленых, серых. Как новички в белых одеждах стоят на арене, бледные и взволнованные.

Она читала об этом в старых хрониках. Но читать — это одно. Видеть своими глазами — совсем другое.

К полудню она закончила работу. Повар ушел готовиться к банкету, и в кухне воцарилась тишина. Элиан быстро вы-

терла руки, поправила платок на голове и, убедившись, что никто не видит, юркнула в узкий коридор, ведущий к служебным лестницам.

Она знала каждый камень в академии. Каждый тайный проход, каждую щель, через которую можно было пробраться незамеченным. Пять лет жизни здесь научили её быть невидимой. Быть тенью. И сегодня эта невидимость сослужит ей хорошую службу.

Лестница была холодной и сырой. Элиан поднималась по ней осторожно, стараясь не скрипеть ступенями. Где-то наверху слышались голоса, смех, музыка. Сердце билось так сильно, что казалось — его слышно во всем здании.

«Зачем я это делаю?» — спрашивала она себя, но ответа не было. Может быть, ей просто хотелось на один день почувствовать себя частью этого мира. Мира, где люди не смотрят на тебя с жалостью или презрением. Мира, где у тебя есть имя, а не прозвище.

Она миновала первый этаж, второй, третий. Каждый этаж был украшен по-своему. На первом висели гобелены с изображениями основателей академии. На втором — портреты великих магов прошлого. На третьем — трофеи, добытые студентами на турнирах: рога драконов, клыки химер, перья грифонов.

Элиан знала, что на четвёртом этаже находятся аудитории для старших курсов. На пятом — библиотеки. На шестом — покои профессоров. А на седьмом — сам ректор.

Но ей нужно было не туда. Ей нужно было на балкон, скрытый за колоннами, с которого открывался вид на Главный амфитеатр. Этот балкон использовался только для обслуживания церемоний — оттуда служки подавали напитки и закуски. Сегодня, во время церемонии, он должен был быть пуст.

Она поднялась ещё на два пролёта и вышла в узкий коридор, ведущий к балкону. Здесь было темно — магические кристаллы горели тускло, экономя энергию. Элиан шла осторожно, прислушиваясь к каждому звуку.

Вдруг она услышала голоса. Двое служек шли ей навстречу, неся поднос с бокалами.

Элиан метнулась в сторону, прижавшись к стене. Они прошли мимо, не заметив её, увлечённые разговором.

— ...говорю тебе, Ашер в этом году превзошёл себя, — говорил один. — Слышал, он на прошлой неделе сжёг целую рощу во время тренировки?

— Да, ректор был в ярости, — ответил другой. — Но что поделаешь? Он наследник дома Вервилл. Ему всё можно.

Элиан затаила дыхание, пока они не скрылись за поворотом. Ашер Вервилл. Она снова услышала это имя. Оно преследовало её везде.

Она продолжила путь и наконец вышла на балкон.

Это было узкое помещение, ограниченное каменными перилами и колоннами. Отсюда открывался вид на Главный амфитеатр — огромное полукруглое сооружение из белого

камня, украшенное колоннами и статуями древних магов. В центре, на возвышении, стоял трон ректора, а вокруг него — места для профессоров и старост факультетов.

Амфитеатр уже был заполнен. Тысячи студентов в мантиях разных цветов — красных, синих, зеленых, серых — сидели на трибунах. Внизу, на арене, выстроились новички — бледные, взволнованные подростки в простых белых одеждах. Они выглядели такими маленькими и потерянными на фоне величественных стен.

Элиан прижалась к холодной колонне, стараясь слиться с тенью. Отсюда её не должно быть видно. Она могла только смотреть. Слушать. Мечтать.

Воздух в амфитеатре был насыщен магией. Элиан чувствовала её даже здесь, на балконе. Это было как электричество в воздухе — невидимое, но ощутимое. Волосы на её руках встали дыбом.

Церемония началась с речи ректора. Лорд Эйнар стоял на возвышении — высокий, худой старик с длинной седой бородой и выцветшими голубыми глазами. Его голос был тихим, но магически усиленным, так что каждое слово было слышно даже на самых верхних рядах.

— Сегодня вы становитесь частью великой традиции, — говорил он, обводя взглядом толпу новичков. — Магия — это не дар. Это ответственность. Сила, которую вы получите, может созидать или разрушать. Выбор за вами.

Элиан слушала, затаив дыхание. Она знала эти слова на-

изусть. Читала их в старых свитках, повторяла шепотом в своей каморке по ночам. Но слышать их от самого ректора... это было совсем другое.

— Академия «Эрданос» стоит уже тысячу лет, — продолжал ректор. — За это время она выпустила тысячи магов, которые служили королям и императорам, сражались с тьмой и защищали слабых. Вы — продолжение этой традиции. Вы — надежда нашего мира.

Он поднял руку, и в его ладони появился маленький кристалл. Он начал светиться, сначала тускло, потом всё ярче, пока не стал ослепительно белым.

— Пусть ваш свет будет таким же ярким, — сказал ректор. — Пусть он освещает путь тем, кто блуждает во тьме. Пусть он согревает тех, кто мёрзнет. Пусть он защищает тех, кто не может защитить себя сам.

Элиан почувствовала, как глаза наполняются слезами. Это было так красиво. Так... правильно. Она хотела быть такой. Хотела нести свет. Хотела помогать.

Но она знала, что это невозможно. Пустышки не несут свет. Пустышки — это тьма. Пустота. Ничто.

Затем началось самое интересное — представление старост факультетов. Это были элитные студенты, те, кто уже доказал свою силу и лидерские качества. Они выходили на арену по одному, и толпа встречала их овациями.

Первой вышла девушка с длинными черными волосами — староста факультета Воды. Элиан узнала её — это была

Лира Морская, дочь адмирала королевского флота. Она поклонилась, и из её рук вырвался поток воды, который закружился в воздухе, образуя идеальную сферу. Внутри сферы плавали маленькие рыбки, сверкающие чешуёй. Толпа зааплодировала.

Затем вышел парень в зеленой мантии — староста Земли. Это был Бьорн Каменное Сердце — огромный, широкоплечий парень с зелеными глазами и короткими темными волосами. Он топнул ногой, и из-под его ног выросли каменные колонны, достигшие потолка. Зрители восторженно закричали.

Затем вышла девушка в серой мантии — староста факультета Воздуха. Она взмахнула рукой, и вокруг неё закружился ветер, поднимая в воздух листья и лепестки цветов. Они образовали вокруг неё вихрь, который танцевал и переливался.

Элиан смотрела на всё это с замиранием сердца. Каждый из них был силен. Каждый был кем-то. А она... она была просто тенью на балконе. Невидимкой. Пустышкой.

И тут вышел он.

Ашер Вервилл.

Элиан сразу поняла, что это он, еще до того, как его представили. Потому что когда он вышел на арену, воздух вокруг него буквально задрожал от жара.

Он был высоким — выше всех остальных старост. Широкие плечи, узкая талия, мантия боевого факультета сидела на нем так, словно была сшита специально для него. Ткань была

темно-красной, с золотой вышивкой по краям. На его груди блеснул медальон — герб дома Вервилл: огненный дракон, обвивающий меч.

Но больше всего в глаза бросались волосы — рыжие, как пламя, с прядями, которые казались живыми, словно в них плясали языки огня. Они были длинными, до плеч, и он не связывал их, позволяя свободно падать на спину.

Он шел уверенно, почти лениво, но в каждом его движении чувствовалась сила. Хищная, опасная сила. Как у пантеры, которая знает, что она — королева джунглей.

На его лице играла легкая, надменная усмешка. Усмешка человека, который привык, что мир лежит у его ног. Усмешка человека, который знает, что он лучше всех.

А в глазах — холодный, оценивающий взгляд. Глаза у него были ярко-зеленые, с золотыми крапинками, как угли в костре. Они скользили по толпе, оценивая, измеряя, презирая.

Элиан заметила, что на его костяшках были шрамы — белые, старые следы от бесчисленных драк. Его руки были сильными, с длинными пальцами, которые выглядели так, словно они созданы для того, чтобы сжимать и ломать.

— Ашер Вервилл! — прогремел голос ректора. — Староста боевого факультета. Наследник дома Вервилл.

Толпа взорвалась овациями. Кто-то свистел, кто-то кричал его имя. Девушки на трибунах визжали, тянули к нему руки. Но Ашер даже не посмотрел на них.

Он просто поднял руку, и из его ладони вырвался огнен-

ный шар. Он был огромным, размером с голову, и пылал так ярко, что Элиан пришлось прищуриться. Ашер подбросил его в воздух, и шар взорвался тысячами искр, которые упали на толпу, не обжигая, но заставляя всех ахнуть от восторга.

Искры осели на мантиях студентов, на их волосах, на их лицах. Они не горели — они просто светились, как маленькие звездочки. Толпа была в экстазе.

Элиан не могла отвести взгляд. Он был прекрасен. И ужасен. Как пожар, который невозможно потушить. Как буря, которая сметает всё на своём пути.

Она видела, как он смотрит на толпу. Как он презирает их восторг. Как он знает, что они все — просто пыль под его ногами.

Затем началась часть церемонии, где старосты должны были проверить силу новичков. Один за другим подростки выходили вперед, пытаясь продемонстрировать свои способности. Большинство из них могли только зажечь свечу или заставить камень подпрыгнуть. Но были и те, чья сила поражала.

Один мальчик смог создать маленький вихрь, который кружился вокруг него. Девочка вырастила из земли цветов с лепестками, светящимися в темноте. Ещё один парень заставил воду в чаше замерзнуть в идеальный ледяной куб.

Ашер смотрел на всё это с скукой. Он стоял в стороне, скрестив руки на груди, и лишь изредка кивал, когда кто-то показывал что-то действительно впечатляющее.

И тут вышел он.

Один из новичков — худой, бледный мальчик с дрожащими руками — вышел вперед. Он явно нервничал. Его пальцы дрожали, когда он пытался сосредоточиться. Лоб был покрыт испариной, губы кусались до крови.

Он протянул руку, и из его ладони вырвалась слабая искра — такая маленькая, что её почти не было видно. Она была тусклой, мигающей, как свеча на ветру.

Толпа засмеялась. Кто-то зашипел. Кто-то свистнул. Мальчик покраснел до ушей, опуская голову. Его плечи опустились, словно он внезапно стал ещё меньше.

Ашер подошел к нему. Его усмешка стала шире, злее. В его глазах появился блеск — блеск хищника, который нашёл жертву.

— Это всё, на что ты способен, мальчик? — его голос был мягким, но в нём слышалась жестокость. — Слабость. Вот что я вижу.

Мальчик поднял глаза, и Элиан увидела в них слёзы. Он был таким молодым — может быть, ему было всего двенадцать или тринадцать. Он был таким маленьким и испуганным.

В его руках был свиток — пергамент с формулами заклинаний. Элиан знала, что это значит. Это был его единственный свиток. Его единственная надежда научиться контролировать свою слабую силу. Он, наверное, копил на него месяцами. Или украл. Или выпросил.

Ашер посмотрел на свиток. Его усмешка стала ещё шире. — Дай мне это, — сказал он, протягивая руку.

Мальчик колебался. Но он не мог послушаться старосту боевого факультета. Он протянул свиток, его руки дрожали ещё сильнее.

Ашер взял свиток. Посмотрел на него. И сжал.

Свиток вспыхнул. Пламя было маленьким, но достаточно сильным, чтобы превратить пергамент в пепел за секунды. Пепел посыпался на землю, унося с собой мечты мальчика.

Мальчик всхлипнул. Это был тихий, жалкий звук, от которого у Элиан сжалось сердце.

Ашер рассмеялся. Это был холодный, жестокий смех, от которого у Элиан по спине пробежал холод.

— Иди отсюда, — бросил он мальчику. — И не возвращайся, пока не научишься делать что-то большее, чем пугать мышей.

Толпа снова засмеялась. Кто-то закричал: "Пустышка! Пустышка!" — имея в виду мальчика. Другие подхватили, и скоро весь амфитеатр скандировал это слово.

Мальчик убежал, закрывая лицо руками. Его плечи тряслись от рыданий.

Элиан не могла дышать. Что-то внутри неё вскипело. Гнев. Возмущение. Жалость к мальчику. Она знала, каково это — когда над тобой смеются. Когда тебя унижают. Когда ты чувствуешь себя ничтожеством.

Она видела, как Ашер смотрит на убегающего мальчика.

Как он наслаждается своей властью. Как он знает, что может делать всё, что захочет, и никто не посмеет ему возразить.

И она сделала глупость.

Она высунулась из-за колонны. Может быть, на секунду. Может быть, просто чтобы лучше видеть. Может быть, потому что не могла больше молчать. Может быть, потому что что-то внутри неё — то самое "что-то", что проснулось вчера в подвале — требовало действий.

Но этого было достаточно.

Ашер почувствовал её взгляд. Он поднял голову, и его глаза — яркие, как раскаленные угли — нашли её на балконе.

На мгновение время остановилось.

Элиан увидела, как его усмешка исчезла. Как его глаза сузились. Как в них появилось что-то новое — не интерес, не любопытство. Отвращение. Чистое, абсолютное отвращение.

Он смотрел на неё так, словно она была грязью на его ботинке. Так, словно она была чем-то, что нужно было стереть, уничтожить, забыть.

— Что здесь делает мусор? — его голос был тихим, но магически усиленным, так что каждое слово было слышно во всем амфитеатре.

Элиан замерла. Она хотела спрятаться обратно за колонну, но было уже поздно. Все глаза были обращены на неё. Тысячи взглядов — презрительных, насмешливых, любопыт-

ных.

— Эй, это же Пустышка! — крикнул кто-то с трибун. — Та самая служанка!

— Что она здесь делает? — засмеялся другой. — Заблудилась, мышка?

— Служанка на балконе! Ха-ха-ха!

— Эй, Пустышка, иди помой мне тарелку!

Ашер не сводил с неё глаз. Его лицо было маской холодного презрения. Он медленно поднял руку, указывая на неё пальцем.

— Служанка? — он произнес это слово так, словно оно было грязью. — Нет. Я вижу кое-кого похуже.

Он сделал шаг вперед, его голос стал громче, жестче.

— Пепельное отродье, — бросил он. — Вот кто ты. Ты пахнешь пеплом и старой посудой. Ты не должна осквернять это место своим присутствием.

Элиан чувствовала, как красная волна стыда поднимается к её лицу. Она хотела провалиться сквозь землю. Хотела исчезнуть. Хотела, чтобы её никогда не существовало. Но она не могла пошевелиться.

— Ты думаешь, ты можешь просто прийти сюда? — продолжал Ашер, его голос был полон яда. — Ты думаешь, что имеешь право смотреть на нас? На тех, кто рожден с силой? На тех, кто достоин стоять на этой арене?

Он рассмеялся — коротко, зло.

— Ты — ничто. Пустая оболочка. Даже не человек. Про-

сто... ошибка природы.

Слова били, как хлыст. Каждое слово — удар. Каждый удар — рана. Элиан чувствовала, как что-то внутри неё ломается. Как её мечты, её надежды, её желание быть частью этого мира — всё это рушится, рассыпается в прах.

— Выгоните её, — бросил Ашер, даже не глядя на служек. — Пусть возвращается в свою нору. Пусть моет свои тарелки и не смеет показываться на глаза тем, кто достоин жить.

Двое крепких парней в форме служек тут же бросились к лестнице, ведущей на балкон. Элиан попятилась, но бежать было некуда.

— Пожалуйста, — прошептала она, но её голос потерялся в шуме толпы.

Она хотела объяснить. Хотела сказать, что она не хотела мешать. Что она просто хотела посмотреть. Что она не заслуживает такого обращения.

Но слова застряли в горле.

Служки схватили её за руки. Их хватка была грубой, болезненной. Они тащили её вниз по лестнице, а толпа свистела и смеялась.

— Пепельное отродье! — кричал кто-то.

— Возвращайся к своим тарелкам, мышь! — вторил другой.

— Выкинули мусор! Ура!

Элиан не видела лиц. Не слышала слов. Она чувствовала только стыд. Жгучий, нестерпимый стыд, который сжигал её

изнутри хуже любого огня.

Когда её вытолкнули за двери амфитеатра, она упала на колени на холодный камень. Слёзы текли по её щекам, но она не плакала вслух. Она не имела права плакать. Не после такого унижения.

Она сидела на камне, дрожа всем телом. Её руки были в синяках от хватки служек. Её сердце болело так, словно его разорвали на части.

Где-то внутри неё что-то сломалось. Мечта о том, что она может быть частью этого мира, разбилась вдребезги. Она была Пустышкой. Пепельным отродьем. И всегда им будет.

Она не знала, сколько времени просидела там. Может быть, минуту. Может быть, час. Может быть, вечность.

Наконец она поднялась. Её ноги дрожали, но она заставила себя идти. Идти обратно в подвал. Идти обратно к своим тарелкам. Идти обратно в свою жизнь — серую, безнадёжную, пустую.

Она не видела, что в этот момент, высоко на балконе, Ашер всё ещё смотрел в ту сторону, где она исчезла. Его пальцы сжались в кулаки так сильно, что шрамы побелели.

Он чувствовал что-то странное. Что-то, чего не должен был чувствовать.

Когда он посмотрел в её глаза — в её серые, испуганные глаза — он почувствовал... что-то. Не отвращение. Не презрение. Что-то другое. Что-то, что он не мог назвать.

Его огонь — его яростный, неконтролируемый огонь —

вдруг стал... тише. Спокойнее. Как будто что-то внутри него узнало её. Как будто его сила отозвалась на неё.

Но он не понял, что это было. И решил, что это просто отвращение. Просто злость на то, что она осмелилась смотреть на него.

Он отвернулся, его усмешка вернулась на лицо. Он забыл о ней.

Но его огонь — его огонь помнил.

Глава 2.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.